18+

Ахмед Цечоев

4 из 8

Книга для взрослеющих

Ахмед Цечоев

4 из 8. Книга для взрослеющих

«Издательские решения»

Цечоев А. С.

4 из 8. Книга для взрослеющих / А. С. Цечоев — «Издательские решения»,

Книга о внутреннем диалоге подростка, начавшемся с осознанного наблюдения отражения в зеркале. 8 лет, 8 дверей и 8 углов. Путешествие мальчика в поисках взросления.

© Цечоев А. С.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Зеркало 6
Конец ознакомительного фрагмента. 24

4 из 8
Книга для взрослеющих

Ахмед Султан-Хамитович Цечоев

© Ахмед Султан-Хамитович Цечоев, 2026

ISBN 978-5-0071-6453-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Зеркало

Эта история начинается ровно в ту же секунду, когда мальчик восьми лет впервые осознанно посмотрел на себя в зеркало.

Не мельком.

Не проверяя, испачкался ли нос вареньем.

А целых восемь минут.

Для взрослого восемь минут перед зеркалом — это либо сборы на праздник, либо попытка понять, куда исчезла молодость.

Для мальчика восемь минут — почти вечность.

Летний полдень.

Обычно в это время его клонило в сон.

После сна мир почему-то всегда становился другим. Цвета делались ярче, воздух — легче, а мама — заметно добрее. Последнее казалось настоящим чудом. Наверное, сон ремонтировал не только детей, но и взрослых. Просто взрослые этого уже не замечали.

Сегодня все пошло не по привычному расписанию.

Зеркало поставило день на паузу.

— Вот он… Я.

Мысль появилась неожиданно. Она влетела во внутренний мир, который, как оказалось, тоже есть.

Тогда кто сейчас думает?

Люди ведь видят не меня.

Они видят его.

Мальчик осторожно потрогал свое ухо.

Потом ухо в зеркале.

Получилось одновременно.

Будто они заранее договорились.

Родинка.

Раньше он ее не замечал.

Уши тоже оказались разными.

Это немного расстраивало.

До сегодняшнего дня ему казалось, что человек собирается так же аккуратно, как конструктор.

Оказалось, завод иногда торопится.

Он повернул голову.

Потом еще сильнее.

Попытался увидеть затылок.

Не получилось.

Зеркало честно показывало только то, что соглашался показать мир.

Все остальное приходилось додумывать.

Наверное, именно поэтому люди так любят фантазировать.

— А если я вижу его… кто тогда я?

Отражение продолжало спокойно смотреть в ответ.

Оно вообще вело себя подозрительно уверенно.

Никогда не ошибалось.

Не моргало раньше времени.

Не путалось.

И всегда знало, что делать.

Стоило мальчику поднять руку, как отражение поднимало свою.
Причем без единого слова.
Такого послушного друга у него еще не было.
Правда, дружба эта длилась ровно до тех пор, пока между ними стояло зеркало.
— Если я отвернусь… он останется один?
Мальчик медленно сделал шаг назад.
Отражение сделало то же самое.
Еще шаг.
Снова повторило.
Странно.
Похоже, они оба боялись расставания.
Он резко выбежал из комнаты.
Через несколько секунд вернулся.
Зеркало терпеливо ждало.
Отражение тоже.
Будто за все это время не произошло вообще ничего.
Наверное, ожидание придумали именно зеркала.
Они всю жизнь проводят, глядя на людей, которые куда-то постоянно спешат.
Мальчик снова подошел ближе.
Настолько близко, что увидел собственные глаза.
Раньше это были просто глаза.
Теперь казалось, что за ними кто-то живет.
И очень внимательно смотрит в ответ.
В этот день он впервые понял одну странную вещь.
Человек может прожить несколько лет, ни разу по-настоящему не встретившись с самим собой.
А иногда для такой встречи достаточно обычного зеркала, которое много лет висело на том же самом месте и терпеливо ждало, когда его наконец заметят.

Он вытянул вперед палец.
Отражение сделало то же самое.
Между пальцами осталось расстояние толщиной со стекло.
Совсем немного.
Но преодолеть его не получалось.
Мальчик даже подул.
Отражение тоже.
Стекло слегка запотело.
Теперь они оба стали немного туманными.
Наверное, так выглядят мысли, когда только появляются.
Он приложил ладонь.
Ладонь по ту сторону тоже.
Тепло почему-то осталось с этой стороны.
Несправедливо.
Если уж делить человека пополам, то тепло можно было бы разделить честно.
— Тебе там не скучно?
Отражение промолчало.
Оно вообще оказалось очень воспитанным собеседником.
Никогда не перебивало.
Не спорило.

И всегда соглашалось.

Таких людей он пока еще не встречал.

Из кухни донесся голос мамы.

— Ты где?

— Здесь!

Отражение тоже открыло рот.

Но его никто не услышал.

Странно.

Получается, голос принадлежал только одному из них.

Это немного успокаивало.

Значит, не все приходилось делить.

Мальчик еще раз внимательно посмотрел на себя.

Нос.

Веснушки.

Ресницы.

Глаза.

И вдруг понял странную вещь.

Он никогда раньше не видел себя целиком.

Руки видел.

Ноги видел.

Живот видел.

Даже коленки.

Особенно разбитые.

А вот всего себя сразу — никогда.

Наверное, поэтому люди так редко понимают, какие они на самом деле.

Себя всегда приходится собирать по частям.

Мама заглянула в комнату.

— Что ты там делаешь?

Он не сразу ответил.

Просто объяснить было невозможно, а долго рассказывать всю новую философию не очень хотел. Какой-то набор чувств сложился впервые.

Как рассказать человеку, что ты познакомился с собой?

— Думаю — вопросительно сказал мальчик.

Мама улыбнулась.

Взрослые вообще очень любят этот ответ.

Он означает, что ребенок сидит тихо.

О чем именно он думает, взрослых обычно интересует гораздо меньше.

Она потрепала его по голове и ушла обратно.

Мальчик снова посмотрел на зеркало.

Получается, мама сейчас погладила их обоих.

Интересно.

Когда человека любят, любовь тоже отражается?

Он попробовал улыбнуться.

Отражение улыбнулось в ответ.

Совсем так же.

И вдруг стало понятно, почему оно все время выглядело довольным.

Оно никогда ничего не ожидало. Одинаково могло пережить и счастье и горе, которое предвещало погружение под покрывало.

Зеркало Не боялось завтрашнего дня.

Не вспоминало вчерашний.

У него не болели коленки после падений.

Не было разбитых игрушек.

Оно жило только сейчас.

Ровно столько, сколько кто-то смотрел в зеркало.

Наверное, счастливыми иногда кажутся именно те, у кого нет времени думать о будущем, особенно о тревожном будущем.

Мама еще несколько секунд постояла в дверях. Ее тревожила картина перед ее глазами.

Сын просто стоял перед зеркалом.

Не прыгал.

Не строил рожицы.

Не разговаривал с игрушками.

Просто смотрел.

Так тихо дети обычно не стоят.

Она хотела спросить еще раз.

Но не стала.

Взрослые часто боятся испортить то, чего сами не понимают.

Из кухни снова запахло супом.

На плите тихо постукивала крышка кастрюли.

Чайник уже успел закипеть и остыть.

Обычный день продолжал жить своей жизнью.

Только внутри мамы что-то незаметно изменилось.

Когда рождается ребенок, вместе с ним рождается еще кое-кто.

Тревога.

Она появляется совсем маленькой.

Почти незаметной.

Первое время живет где-то рядом с сердцем и просыпается только по ночам, когда у малыша поднимается температура или он долго не плачет.

Потом ребенок начинает ходить.

И тревога тоже учится ходить.

Падает вместе с ним.

Разбивает вместе с ним коленки.

Считает ступеньки.

Провожает взглядом качели.

Со временем ребенок становится больше.

А тревога почему-то нет.

Она так и остается маленькой.

Просто теперь помещается в каждом мамином вопросе.

«Ты поел?»

«Не замерз?»

«Почему так тихо?»

Последний вопрос был самым опасным.

Слишком тихие дети иногда думают о вещах, которые взрослые давно перестали замечать.

Она снова выглянула в комнату.

Он все еще разговаривал с зеркалом.

Вернее…

Молчал рядом с ним.

Это было даже необычнее.

— О чем ты думаешь? — спросила она уже совсем тихо.

Мальчик долго не отвечал.

Он искал слова.

Некоторые мысли приходят раньше, чем появляются слова для них.

— Мам…

— Что?

— А ты знаешь… кто живет у тебя в глазах?

Она не сразу поняла вопрос.

Потом улыбнулась.

Наверное, он опять что-то придумал.

— Никто.

— Правда?

Он посмотрел так внимательно, будто проверял ответ.

— А мне кажется, там кто-то есть.

Кто-то хороший.

И иногда он смотрит на меня.

Мама рассмеялась.

Негромко.

Но смех получился каким-то осторожным.

Она подошла ближе, поправила ему волосы и поцеловала в макушку.

— Ты у меня фантазер.

Он кивнул.

Возможно.

Только дети еще не знают, что фантазией взрослые часто называют вопросы, на которые сами не умеют отвечать.

Когда она вышла из комнаты, улыбка постепенно исчезла. Такие разговоры от ребенка всегда подозрительно мудры.

Она вспомнила, как в его возрасте сама собирала в ладони солнечных зайчиков и была уверена, что их можно принести домой.

Потом выросла.

И перестала искать то, чего нельзя объяснить.

А ее сын, кажется, только начинал.

Она остановилась у окна.

Во дворе кто-то смеялся.

Мир был привычным.

Только одна мысль никак не отпускала.

«Главное, чтобы ему никогда не было одиноко… даже рядом с самим собой.»

И сама не заметила, как снова посмотрела в сторону комнаты.

Будто хотела убедиться, что мальчик уже отошел от зеркала.

Но он все еще стоял там.

И зеркало все так же терпеливо смотрело на него.

Словно знало, что некоторые знакомства продолжаются всю жизнь.

Он еще раз посмотрел на зеркало.

Потом тихонько коснулся стекла кончиками пальцев.

— Пока.

Отражение тоже подняло руку.

Наверное, некоторые прощания начинаются именно так.

Во дворе было совсем другое зеркало.
Не стеклянное.
Живое.
Здесь люди отражались друг в друге.
Смех — смехом.
Злость — злостью.
Если кто-то начинал бежать, остальные тоже почему-то бежали.
Если кто-то грустил, грусть становилась фоном.
Во дворе вообще редко что-то происходило с одним человеком.
Все сразу становилось общим.
Песочница была почти пустой.
На качелях скрипела девочка в желтом платье.
Несколько малышей строили из песка крепость, которой, судя по прогнозу погоды, оставалось существовать несколько часов.
Возле подъезда стояли трое соседских парней. Они были одного возраста, но
Один из них был заметно выше остальных.
Наверное, ему было лет десять.
Для восьмилетнего мальчика десять лет — почти взрослый человек.
Он толкнул худенького мальчика в плечо.
Не сильно.
Но достаточно, чтобы тот отступил.
— Давай еще раз скажи, — усмехнулся он.
Худенький ничего не сказал.
Только крепче прижал к себе мяч.
Высокий выдернул его.
Подкинул.
Поймал.
Еще раз.
Будто мяч уже принадлежал ему.
Остальные молчали.
Воздух наполнился несправедливостью.
мальчик подошел ближе.
— Отдай.
Высокий даже не сразу понял, что говорят ему.
Он посмотрел вниз.
— Чего?
— Это не твой мяч.
— И что?
— Значит, надо вернуть.
Несколько секунд никто ничего не говорил.
Потом старший рассмеялся.
— Ты меня учить пришел?
— Нет.
— Тогда иди домой.
Мальчик покачал головой. Это было его первое знакомство с правилами улицы. Взрослые часто забывают этот отрывок своей жизни.

— а лучше давай мы с тобой отойдем один на один.

Это застало врасплох. Что значит один на один. Вроде никто и так не вмешивается. Оказалось, что здесь правило один на один не влечет никаких последствий от случившегося. Они отошли на пару метров, что не имело никакого смысла кроме ритуального. Нужно было продолжать разговор, раз он начался. Ответственность на себя взял наш герой.

— Почему ты их обижаешь?

Высокий не ожидал такого вопроса в казалось бы страшной для новичка обстановке.

Он пожал плечами.

Вопрос оказался интересным. Он сам не задавался этим вопросом. Когда люди не реагируют на твои ошибки должным образом, ошибки становятся продолжением тебя.

Обычно спрашивали:

«Кто начал?»

«Что случилось?»

«Зачем подрался?»

Но не «почему».

Он еще раз подбросил мяч.

Поймал.

— Потому что так веселее. — сказал старший притворяясь задорным.

Мальчик задумался.

Потом тихо сказал:

— Нет.

— Что «нет»?

— Весело — это когда всем смешно.

Высокий усмехнулся.

— Маленький еще.

Он хотел уйти.

Но почему-то не сделал этого.

Может быть, потому что мальчик не испугался.

А может, потому что ему самому вдруг стало интересно продолжить разговор.

— Тогда как?

Мальчик пожал плечами.

— Не знаю. Но я знаю, что ты ничем не лучше этого худого бедняги.

Старший долго молчал.

Потом сказал совсем другим голосом.

Не таким громким.

— Когда они боятся… я себя лучше чувствую.

Во дворе вдруг стало очень тихо.

Даже качели перестали скрипеть.

Мальчик смотрел на него так же внимательно, как совсем недавно смотрел в зеркало.

Будто пытался увидеть не лицо.

А того, кто жил за глазами.

— Почему?

Старший отвел взгляд.

— Потому что…

Он помолчал.

Словно слова приходилось искать где-то очень глубоко.

— Потому что тогда я не самый слабый.

Это прозвучало совсем не похоже на победу.

Скорее как признание.

Мальчик посмотрел на него еще несколько секунд.

Потом спросил:

— А кто обижает тебя?

Высокий резко поднял голову.

На мгновение показалось, что он сейчас снова рассмеется.

Или толкнет его.

Или просто уйдет.

Но ничего этого не произошло.

Он только крепче сжал мяч.

Так крепко, что побелели пальцы.

— Никто.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Иногда самые короткие ответы оказываются самыми длинными.

Мальчик вспомнил зеркало.

Если долго смотреть человеку в глаза, иногда начинаешь замечать то, что он очень старается спрятать.

Ему вдруг показалось, что мальчик перед ним сейчас совсем не большой.

Просто высокий.

Это оказалось не одно и то же.

Он сделал еще один шаг вперед.

— Если тебе плохо… можно же не делать плохо другим.

Высокий усмехнулся.

Но улыбка получилась какой-то усталой.

— А тебя никогда не били?

— Нет.

— такого не бывает.

— Ну вот он я. Бывает значит.

Старший не ответил.

Он медленно опустил мяч.

Потом неожиданно протянул его худенькому мальчику.

— Забирай.

Тот осторожно взял его обеими руками, словно боялся, что сейчас передумают.

Никто не побежал.

Никто не закричал.

Во дворе просто стало немного легче дышать. Какая сложная, тяжелая новость. Оказывается есть семьи, где никого не бьют и не наказывают.

Высокий развернулся и пошел к своему подъезду.

У самой двери он вдруг остановился.

Не оборачиваясь, спросил:

— Эй…

— Что?

— Ты правда думаешь… что если делать другим хорошо, самому тоже станет лучше?

мальчик честно задумался.

Потом улыбнулся.

— когда мне дарят что-то, у меня возникает желание срочно кому-то сделать подарок. Так для всех выгодно.

Старший ничего не ответил.

Только медленно вошел в подъезд.

А мальчик еще долго смотрел на закрывшуюся дверь.

Ему вдруг показалось, что люди бывают похожи на отражение.

Если долго видеть вокруг только страх, однажды начинаешь думать, что это и есть твое настоящее лицо. Но иногда достаточно одного вопроса, чтобы на зеркале появилась маленькая трещина. И тогда человек впервые получает шанс увидеть себя таким, каким он был до того, как ему самому сделали больно.

Дверь подъезда закрылась.

Мальчик ещё немного постоял.

Потом посмотрел на худенького.

— Мяч твой?

Тот кивнул.

— Тогда чего стоишь?

Худенький посмотрел на мяч.

Потом на подъезд.

Потом снова на мяч.

— А вдруг он вернётся?

— Кто?

— Тот.

Мальчик подумал.

— Тогда скажешь, что это твой мяч.

— А если отберёт?

— Тогда скажешь ещё раз.

Худенький задумался.

Видимо, такой вариант развития событий его не вдохновил.

Во дворе вообще многие решения выглядели гораздо проще до того, как их приходилось выполнять.

Мальчик отошёл.

Девочка на качелях снова начала скрипеть.

Она делала это с таким упорством, будто собиралась сообщить всему дому о существовании качелей.

Скрип.

Пауза.

Скрип.

Пауза.

Скрип.

В какой-то момент мальчик подумал, что если человечество когда-нибудь изобретёт вечный двигатель, то начинать его поиски нужно будет с этой девочки.

Она уже несколько лет явно производила энергию.

Просто никто не догадался её подключить.

Он сел на край песочницы.

Малыши продолжали строить крепость.

Один из них отвечал за стены.

Другой — за разрушение.

Третий, судя по всему, был назначен главным инженером и просто сидел рядом.

Так дети впервые знакомились с государственной системой.

Мальчик смотрел на них и думал о высоком.

Ему было непонятно, как человек может хотеть, чтобы другие его боялись.

Если тебе страшно, хочется ведь, чтобы кто-нибудь подошёл.

А не чтобы от тебя убегали.

Хотя взрослые, как он уже успел заметить, часто делали именно наоборот.

Когда им было страшно, они начинали говорить громче.

Когда им было грустно — делали вид, что всё нормально.

А когда им было очень плохо — спрашивали, почему ужин опять остыл.

Мальчик ещё не знал, что взрослые редко умеют объяснять свои чувства.

Зато они прекрасно умеют объяснять чужие.

В этом отношении человечество достигло почти совершенства.

Он поднялся и пошёл домой.

Дома было тихо.

Мама сидела на кухне.

Перед ней стояла чашка чая.

Чай давно остыл, но мама продолжала держать чашку обеими руками, будто от этого он мог передумать и снова стать горячим.

Она посмотрела на сына.

— Ты где был?

— Во дворе.

— Я вижу, что во дворе.

Мальчик снял сандалии.

— Там один мальчик обижал других.

Мама сразу подняла глаза.

— Кто?

— Высокий.

— Какой высокий?

Мальчик задумался.

— Ну… высокий.

Мама отложила чашку.

— Он тебя трогал?

— Нет.

— Точно?

— Точно.

— А ты его?

— Нет.

Мама смотрела на него.

Слишком внимательно.

Так смотрят на человека, который говорит правду, но взрослому всё равно кажется, что где-то должна быть ещё одна правда. Более неприятная.

— А что ты делал?

— Разговаривал.

Мама замерла.

— С кем?

— С ним.

— С этим высоким?

— Да.

— О чём?

Мальчик пожал плечами.

— Почему он обижает других.

Мама несколько секунд молчала.

Потом закрыла глаза.

Совсем ненадолго.

Но мальчик это заметил.

— И что он сказал?

— Что когда они боятся, он себя лучше чувствует.

Мама посмотрела на него.

Теперь уже не как на ребёнка.

А как на человека, который принёс из двора что-то, чего там быть не должно.

— И что ты ему ответил?

— Что если тебе плохо, можно не делать плохо другим.

Мама медленно выдохнула.

— И он тебя послушал?

— Не знаю.

— А если он тебя ударит в следующий раз?

Мальчик подумал.

— Тогда будет понятно, что он меня не послушал.

Мама посмотрела на него.

Ей хотелось сказать что-нибудь правильное.

Очень правильное.

Матери вообще часто хотят сказать детям что-нибудь правильное. Особенно в тот момент, когда ребёнок говорит что-то, на что у взрослого нет готового ответа.

— Ты больше не подходи к нему.

— Почему?

— Потому что он опасный.

Мальчик задумался.

— А если он опасный потому, что ему плохо?

Мама ничего не ответила.

Она посмотрела в окно.

Во дворе девочка всё ещё качалась.

Скрип.

Пауза.

Скрип.

Пауза.

Мама вдруг подумала, что её сын начинает задавать слишком много вопросов.

Не детских.

Детские вопросы обычно решаются быстро.

«Почему трава зелёная?»

«Откуда берутся дети?»

«Почему папа храпит?»

На последний вопрос, кстати, человечество до сих пор не выработало единого мнения.

Но вопросы её сына были другими.

Они не требовали ответа.

Они требовали, чтобы взрослый сначала сам в себе что-то нашёл.

А мама не была уверена, что хочет, чтобы её сын так рано начал искать.

Она смотрела на него.

На его маленькие руки.

На худые плечи.

На лицо, которое ещё совсем недавно казалось ей просто детским.

Теперь она всё чаще замечала в нём выражение, которое не могла объяснить.

Он как будто смотрел не только на людей.

Он их изучал.

Мама вдруг испугалась.

Не того, что он станет слабым.

Наоборот.

Она боялась, что он слишком рано поймёт, насколько мир бывает жестоким.

Потому что если ребёнок узнаёт это слишком рано, детство заканчивается не тогда, когда он становится взрослым.

Оно заканчивается тогда, когда он впервые понимает, что взрослые тоже не знают, что делать.

Мальчик подошёл к окну.

— Мам.

— Что?

— А почему люди становятся плохими?

Мама посмотрела на него.

И вдруг поняла, что именно этого вопроса она боялась больше всего.

Она могла рассказать ему про добрых людей.

Про плохих.

Про то, что нужно защищать слабых.

Про то, что нельзя обижать других.

Но как объяснить ребёнку, почему человек, которому самому больно, иногда решает сделать больно кому-то ещё?

Мама посмотрела на его отражение в стекле.

И вдруг вспомнила его, застывшего перед зеркалом.

Тогда она решила, что это просто странность.

Детская.

Пройдёт.

Но теперь ей казалось, что он не просто смотрел на своё отражение.

Он искал там кого-то.

Мама подошла к нему.

Присела рядом.

— Иногда люди становятся плохими, потому что им плохо.

Мальчик повернулся.

— Тогда почему хорошие не становятся плохими?

Мама улыбнулась.

Но улыбка вышла грустной.

— Некоторые становятся.

— А другие?

— Другие стараются не стать.

Мальчик задумался.

— А ты?

Мама замолчала.

За окном снова заскрипели качели.

Скрип.

Пауза.

Скрип.

Мама посмотрела на сына.

— А я стараюсь.

Мальчик кивнул.

Ему этого ответа хватило.
Потому что он был честным.
А честные ответы, как он постепенно начинал понимать, редко бывают длинными.
Мама встала и пошла на кухню.
Мальчик остался у окна.
В стекле отражался двор.
Песочница.
Качели.
Девочка в жёлтом платье.
Несколько детей.
Мяч.
И где-то там, за закрытой дверью подъезда, находился высокий мальчик.
Мальчик, который только что узнал о существовании семей, где детей не бьют.
Возможно, это была самая важная информация, которую он получил за всю свою жизнь.
Потому что иногда человеку нужно не объяснить, каким он должен быть.
Иногда ему достаточно впервые показать, что существует другой способ жить.
Мальчик смотрел на двор.
И снова увидел зеркало.
Только теперь он понял одну вещь.
Зеркало не всегда показывает тебе тебя.
Иногда оно показывает то, что ты видел слишком долго.
Если вокруг страх — ты начинаешь считать страх нормальным.
Если вокруг злость — учишься злиться.
Если вокруг любовь — сначала удивляешься ей.
А потом начинаешь передавать дальше.
И, может быть, именно поэтому один человек иногда способен изменить другого.
Не поступком.
Не силой.
Даже не добротой.
Иногда достаточно просто посмотреть на человека и спросить:
«Почему?»
А потом остаться рядом достаточно долго, чтобы он впервые услышал собственный ответ.

Мама уже почти вышла из комнаты, когда вдруг остановилась.
Она постояла в дверях.
Потом вернулась.
— Подожди.
Мальчик обернулся.
Мама смотрела на него несколько секунд.
— Ты сказал, что люди иногда становятся плохими, когда им плохо.
— Да.
— А ты кого-нибудь считаешь плохим?
Мальчик задумался.
Вопрос был неожиданным.
До этого мама спрашивала, кто его обидел.
Кто толкнул.
Кто взял мяч.
Кто начал.
Но никогда не спрашивала, кого он сам считает плохим.

Он посмотрел на неё.

Потом опустил глаза.

— Папу.

Мама замерла.

На кухне вдруг стало слышно, как работает холодильник.

Он гудел с такой уверенностью, будто ничего страшного в мире вообще не происходило.

Мама медленно присела.

— Почему?

Мальчик пожал плечами.

— Потому что вы часто ссоритесь.

Мама ничего не сказала.

Он продолжил:

— Когда вы ссоритесь, я думаю, что папа плохой.

Мама посмотрела на него.

— Почему папа?

— Потому что ты кричишь.

— Я кричу?

Мальчик кивнул.

— И папа кричит.

Мама хотела что-то сказать, но не нашла подходящих слов.

Взрослые вообще очень не любят, когда дети начинают пересказывать им их собственную жизнь.

Особенно ту её часть, которую они сами старались не замечать.

Мальчик продолжил:

— Когда вы начинаете, у меня голова становится большая.

— Большая?

— Очень.

Он показал руками вокруг головы.

— Вот такая.

Мама невольно улыбнулась.

Но мальчик не улыбался.

— Сначала я слышу, что вы говорите.

Он замолчал.

— Потом голова как будто начинает раздуваться.

Мама перестала улыбаться.

— А потом?

Мальчик посмотрел куда-то мимо неё.

— Потом она становится такая большая, что я уже не могу думать.

Он нахмурился, пытаясь подобрать слова.

— И тогда я слышу только…

Он замолчал.

— Что?

— Писк.

— Какой писк?

Мальчик посмотрел на неё.

— Такой… очень тонкий.

Он поднял палец вверх.

— Уууууууу…

Мама почувствовала, как внутри у неё что-то сжалось.

— И ты слышишь только его?

— Да.

— А нас?

— Нет.

Мальчик подумал.

— Иногда слышу. Но далеко.

Он снова замолчал.

— Я думаю, что это моя голова так делает.

— Что делает?

— Пытается вас не слышать.

Мама отвела взгляд.

На столе стояла чашка.

Чай в ней давно остыл.

Почему-то в последнее время всё в их доме остывало быстрее, чем успевало быть выпитым.

Чай.

Еда.

Настроение.

Иногда даже люди.

Мама посмотрела на сына.

— Ты боишься, когда мы с папой ссоримся?

Мальчик кивнул.

— Да.

— Очень?

Он пожал плечами.

— Не знаю.

Потом честно добавил:

— Я думаю, что папа плохой.

Мама закрыла глаза.

На этот раз чуть дольше.

Ей хотелось возразить.

Сказать:

«Нет».

«Он не плохой».

«Ты всё неправильно понял».

Но она не могла.

Потому что мальчик не ошибался в одном.

Он действительно видел то, что видел.

А дети не умеют пользоваться взрослой системой скидок.

Взрослый человек может быть хорошим мужем в понедельник, плохим во вторник и совершенно замечательным отцом в среду.

Ребёнок всё это складывает в одну коробку.

На коробке пишет:

«Папа».

И потом долго не понимает, почему внутри всё время что-то не помещается.

Мама вздохнула.

— Послушай меня.

Мальчик поднял голову.

— Каким бы ни был папа…

Она остановилась.
Потому что сама поняла, насколько странно звучит начало этой фразы.
Каким бы ни был папа.
Но именно так она и хотела сказать.
Не потому, что он всегда был прав.
Не потому, что она хотела оправдать его.
А потому, что ребёнку нельзя поручать судить взрослого человека.
— Каким бы он ни был, — повторила она, — он твой отец.
Мальчик молчал.
— И это не значит, что он всегда прав.
Мальчик внимательно посмотрел на неё.
— А если он неправ?
— Тогда он неправ.
— А если он плохой?
Мама задумалась.
— Иногда человек делает плохие вещи.
— Значит, он плохой?
— Не обязательно.
— Почему?
Мама посмотрела на него.
— Потому что человек — это больше, чем его самый плохой поступок.
Мальчик нахмурился.
Ему явно не очень понравился ответ.
Возможно, потому что он был слишком взрослым.
— А если он много плохих поступков сделал?
Мама тихо усмехнулась.
— Тогда ему сложнее доказать обратное.
Мальчик впервые за разговор улыбнулся.
Мама тоже.
Но улыбка быстро исчезла.
— Знаешь, — сказала она, — у твоего папы есть одна очень хорошая способность.
— Какая?
— Он умеет мириться.
Мальчик удивился.
— С тобой?
— Со мной.
— После того как вы кричите?
— После.
— А как?
Мама задумалась.
— Иногда приходит и говорит, что был неправ.
Мальчик посмотрел на неё с недоверием.
— Папа?
— Да.
— Сам?
— Сам.
Это произвело на мальчика впечатление.

В его представлении взрослый человек, признавший свою ошибку, был чем-то вроде редкого животного.

Он слышал о таких.
Но лично встречать не приходилось.
— И ты его прощаешь?
— Иногда.
— А иногда?
— Иногда мне нужно время.
Мальчик подумал.
— А ему?
— Ему тоже.
Мама улыбнулась.
— Мириться — это тоже умение.
Мальчик посмотрел на неё.
— Как кататься на велосипеде?
— Примерно.
— Только велосипедом никто не кричит.
Мама неожиданно рассмеялась.
Впервые за весь разговор.
— Иногда кричит.
Мальчик тоже улыбнулся.
Потом снова стал серьёзным.
— А если папа плохой?
Мама посмотрела ему прямо в глаза.
— Тогда ты можешь не соглашаться с ним.
Мальчик молчал.
— Можешь считать, что он неправ.
Он кивнул.
— Можешь даже сердиться на него.
Ещё один кивок.
— Но не спеши вычёркивать человека целиком.
Мальчик посмотрел в окно.
На улице уже начинало темнеть.
Девочка в жёлтом платье ушла.
Качели наконец замолчали.
Малыши исчезли.
Песочная крепость тоже закончилась.
Её, скорее всего, разрушили свои.
Так обычно и происходило с великими империями.
Мальчик долго смотрел на пустой двор.
— А папа правда умеет мириться?
— Правда.
— А если он не умеет?
Мама улыбнулась.
— Тогда научится.
Мальчик подумал.
— А ты?
— Что я?
— Ты умеешь?
Мама посмотрела на него.
И на этот раз ответила не сразу.

— Я тоже учусь.
Мальчик кивнул.
Потом подошёл к ней и обнял.
Мама прижала его к себе.
Она почувствовала его голову у себя на груди.
Маленькую.
Совсем маленькую.
И вдруг подумала, что иногда детская голова действительно может стать огромной.
Настолько огромной, что в ней не помещается детство.
Может быть, поэтому она и придумала этот писк.
Чтобы хоть ненадолго выключить всё остальное.
Мама провела рукой по его волосам.
— Когда мы с папой будем ссориться, ты можешь уйти в свою комнату.
Мальчик ничего не ответил.
— Не обязательно слушать.
Он кивнул.
— И ещё…
Мама немного помолчала.
— Не решай сразу, кто из нас плохой.
Мальчик поднял голову.
— А кто решит?
Мама посмотрела на него.
— Никто.
— А как тогда понять?
Она улыбнулась.
— Поживёшь — поймёшь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.